

И. А. Климов

Батыгин: «методологическая принципиальность» и «методологическое смирение»

Иван Александрович Климов — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. **Адрес:** Покровский б-р, д. 11, каб. М405. **Электронная почта:** Klimov_ivan@list.ru.

Аннотация: Практика работы Геннадия Семёновича Батыгина с аспирантами, его подходы к социологической теории и умение создавать профессиональные сети — в изложении ученика и коллеги Ивана Александровича Климова. Личное интервью проведено О. Б. Солодовниковой.

Ключевые слова: Геннадий Семёнович Батыгин, методологический семинар, рациональная реконструкция, профессиональное сообщество.

Для цитирования: *Климов И. А.* Батыгин: «методологическая принципиальность» и «методологическое смирение» / Интервью провела О. Б. Солодовникова // Пути России. 2024. Том 2. № 2. С. 66–79.

Вы были аспирантом Геннадия Семёновича, хотя не учились у него до работы над диссертацией. Как случилось, что ваши траектории пересеклись?

Я в университет поступил после армии — с очень сильным чувством стыда (за то, как бездарно я не воспользовался возможностями учиться до армии) и не меньшим желанием учиться. Этого запала мне хватило потом еще лет на пятнадцать. А в армии мне даже снились сны, как меня вызывает командир бригады и говорит: «Климов, мы тебя увольняем, только с одним условием: что ты, гад, будешь учиться!»

Я поступил на факультет социологии МГУ, который тогда только-только появился. И отучившись там первый курс, заметил странность. В моей альма-матер не было преподавателей из других институций — ни из Академии Наук, ни из опросных фабрик, ни просто известных исследователей и ученых. Никого «внешнего». Поэтому на втором курсе мы с двумя моими друзьями — Вадимом Кулаковым и Дмитрием Ляшенко, решили сделать курсовую работу ровно по этой теме. Мы запланировали взять серию интервью с социологами, представителями других школ и институций. Ну действительно, интересно — почему они не сотрудничают с единственными на тот момент профильным факультетом? Тема казалась очевидной, хотя научрук предупредил, что лучше делать методическую работу по фокусированному интервью, нежели содержательную, потому что содержательную с такой темой можно было и не защитить...

В общем, были встречи с Белановским, Гудковым, Здравомысловым, Шубкиным, Ослоном, с Еленой Петренко. Тогда же я познакомился с Еленой Борисовной Шестопал, и позже она стала моим научным руководителем в университете. Но первым мне повезло поговорить с Владимиром Александровичем Ядовым (чуть позже он стал преподавать на факультете), и как раз он и порекомендовал мне Батыгина. Наша встреча с Геннадием Семёновичем состоялась, по-моему, в зале Учёного совета Института социологии. Помню, меня удивило несоответствие: огромное и торжественное пространство для вполне ординарного разговора. Но разговор оказался неординарным. Меня поразила плотность смыслов, высокая структурированность рассказа, детализированность и профессиональная глубина — без скидок на мой возраст и околонулевые знания. Фактически за три часа Батыгин поведал краткую историю развития советской социологии: с Институтом конкретных социальных исследований и его «разгоном» Михаилом Руткевичем («Бульдозер»), с проектом «Таганрог», с ленинградской школой Ядова и кружком Левады, с отделом Якова Михайловича Бергера в ИНИОНе, занимавшемся реферированием иностранной социологической литературы и в котором работали уже известные мне люди — Леонид Волков, Виктория Чаликова, Инесса Рековская.

Я с ними был знаком, поскольку моя мама тоже участвовала в работе отдела. И я вдруг понял, что существует море общения и работы, живых идей и увлеченных людей. Реально как в «Понедельнике...»¹ И все эти интересные люди чем-то занимаются. Я плохо понимал — чем именно, но было очевидно, что есть большая жизнь за пределами «маленького» факультета социологии.

Кроме того, я понял, как строятся карьеры в области социальных наук, что помимо содержательной, встречаются карьеры по функции: по деятельности в сфере образования, фундаментальной науки, прикладной (отраслевой) науки, практической деятельности в сферах производственной социологии, массовых опросов, и проч. партийной линии, по профсоюзной линии... На новом факультете социологии МГУ (первый набор состоялся в 1990) у студентов и аспирантов быстро сформировались представления о репутации замечательных учёных, таких, как Никита Евгеньевич Покровский (история и теория социологии), Виктор Иванович Гараджа (отличный учебник по социологии религии), Елена Борисовна Шестопап (политическая психология), Анатолий Иванович Антонов (социология семьи), Владимир Александрович Борисов (демография). Еще несколько других ученых, у которых я не учился, но о них сокурсники очень хорошо отзывались. Их отличало прежде всего то, что у них было очень не просто учиться из-за высокой требовательности. С одной стороны были лекции Добренькова, а с другой — Покровского, который умел доступно и «на драйве» объяснять теорию, хотя и заваливал нас обязательным чтением и заставлял проходить тесты и писать эссе к каждому занятию. Роль того разговора с Батыгиным я понял позже: после интервью с ним я перестал рассматривать преподавателей только лишь в естественной оптике студента и стал чуть лучше разбираться в типах профессиональных карьер, представленных на факультете.

Эта встреча оказалась настолько судьбоносной, что вы решили продолжить учёбу в другом месте?

И да, и нет. Всё-таки после того разговора с Батыгиным мы ещё три года не пересекались. Научного руководителя я выбирал, основываясь на опыте тех интервью. Им стала Елена Борисовна Шестопап. Нас у нее оказалось пятеро, и Елена Борисовна договорилась с факультетом психологии МГУ, чтобы мы ходили на их занятия и лекции. Фактически четвертый-пятый курсы мы провели там. Я увидел другую академическую культуру, услышал лекции Виктора Фёдоровича Петренко про психосемантику, Татьяны Гавриловны Стефаненко про этнопсихологию, Леонида Гозмана про психологию эмоционального

¹ «Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких.

поведения, Акопа Погосовича Назаретяна, Галины Михайловны Андреевой про когнитивный поворот в социальных науках... Это было очень хорошо. Одновременно я ходил в Институт социологии на лекции совсем молодых тогда ученых — Александра Согомонова, Елены Омельченко, Александра Малинкина. Малинкину удалось — неожиданно для меня самого — увлечь меня Мангеймом и Шелером.

Но когда встал вопрос, куда и к кому мне идти в аспирантуру, в голове у меня почему-то не было других вариантов, кроме как Геннадия Семёновича. Хотя между вторым и пятым курсом прошло много времени. И при том, что можно было пойти к Ядову или к Согомонову. Но я с определенностью понимал — только к Батыгину. Потому что Батыгин «запал» мне третьим миром Поппера и принципами Мертона. Кроме того, мне казалось, что за ним стоит большой сегмент знаний, который был недостающим звеном в образовании соцфака: это методология социального познания, раз, а также концепция и практическая реализация этоса социальных наук — два.

И вторая встреча с Геннадием Семёновичем была уже как с потенциальным научным руководителем. Тогда мне казалось, что та тема, с которой я к нему иду, очень интересная: я хотел развивать свой диплом, изучать молодежные субкультуры и заниматься теорией субкультур. Помню, что он отреагировал на эту идею очень кисло, хоть и порекомендовал что-то почитать. Через полгода я понял, что Батыгин прав. Он мне сразу пытался сказать то, что я не был готов тогда услышать. А именно: что эта тема мелкая, её теоретическая глубина мне самому уже должна быть видна, что у меня остаются два варианта: либо нанизывать разные субкультуры одну за другой и описывать их, либо разворачивать в другую сторону, фактически отказываясь от нее. Как я потом понял, он мне достаточно мягко, но вполне категорично сформулировал эту развилку. Тогда же он дал понять, что если ты хочешь развиваться как профессионал, вкладывайся в первую очередь в теоретико-методологическую работу.

Он вам помог выбрать нужную тему?

Скорее — грамотно мешал. Потому что дальше начались мучения... Примерно раз в два месяца я менял тему, переходил от идеи к идее и обсуждал с ним, чем хочу заниматься... Сейчас уже не перечислю, какие именно сюжеты мне предлагал Геннадий Семёнович, но одну тему помню очень хорошо — это «сообщества профессионалов». Формулировка названия приблизительная, мое знакомство началось с книги Баумана «Legislators and Interpreters». По сути, разговоры с Батыгиным снова стали мини-курсом про то, как структурируется наука, как формируются в ней «клики» и «сети». Что делает науку «регулярной армией», а не сборищем партизанских отрядов; причем тут эволюционная эпистемология и почему рецензии и рецензионная

речь связаны с процессами формирования профессионального сообщества. И как, в общем-то, развивается научное знание: не вообще, абстрактно, на уровне парадигм, а с точки зрения рутинного производства знания, принятых ритуалов и неформальных практик, в перспективе обычных людей — учёных, которые являются непосредственными участниками этого процесса.

Я честно три месяца ходил в библиотеку Шанинки и читал книги, которые он мне посоветовал, но остался в недоумении: к чему это всё?.. Совершенно очевидно, что тогда я до этой проблематики не дорос и понял её только спустя семь или десять лет, оставив свой мозг в стороне от такой прекрасной темы. Интересно, что Батыгин увлек этим сюжетом Галину Градосельскую. Они решили использовать методологию сетевого анализа для этой задачи и пробовали построить сеть ученых, значимых проектов, конференций и организаций. В это время или чуть позже к этой теме подключилась Наталья Даудрих... Как бы то ни было, год или полтора я то ли бездельничал, то ли был «в творческом поиске». Постепенно, и под совершенно очевидным влиянием Геннадия Семёновича и рекомендованного им чтения у меня возник интерес к теме социальной мобилизации. А из него появилась и конечная тема.

Какие еще идеи, почерпнутые из общения с Батыгиным, оказались, как вы теперь думаете, «на вырост», были значимы для вашей последующей научной карьеры?

Это непростой вопрос. Тут сложно отделить то, что я о нем знаю, и что оказало на меня влияние. Я пытался как-то систематизировать, но ничего не вышло: буду просто перечислять большое и малое. Во-первых, конечно же, это идея работы с корпусом социологической теории, понимание того, что нужно теорию изучать и что нужно иметь к ней свой вопрос. Теория — не приключенческий роман, который тебя ведет своей собственной интригой. Она с тобой начинает говорить, если у тебя есть своя боль и свой исследовательский интерес.

Вторая вещь, которую я усвоил благодаря Батыгину, — рациональная реконструкция. Это такой тип научного исследования, как говорит Имре Лакатош, когда любая теория рассматривается как научно-исследовательская программа, язык и методология которой предопределяет твою исследовательскую оптику. Понятно, что условный Парсонс ничего не писал про процессы социальной мобилизации. Но если мы разобрались, как устроена его система понятий, что такое обоснованный вывод в рамках его методологии, мы можем опрокинуть на его понятийный аппарат свою собственную исследовательскую задачу и описать процессы социальной мобилизации так, как они должны были бы выглядеть с точки зрения Парсонса. Фактически, речь идет о том, чтобы уметь моделировать ответы на интересующие тебя вопросы изнутри той или иной теории — Парсонса, Гидденса, Хабермаса и

так далее. Ты тут же начинаешь видеть нестыковки в собственных построениях, равно как и в теориях, с которыми работаешь.

Так, под влиянием Батыгина, книги Инны Фелисковны Девятко [Девятко, 1996], Поппера и Лакатоша [Лакатос, 1995], родилось очень важное для меня понимание, что весь спектр социологических теорий — это не просто пёстрая палитра экстравагантных построений и нагромождение концептов. За этим лежат макро-идеи о множестве решений нетривиальной задачи — как можно изучать общество, не впадая в методологический солипсизм, не козыряя позицией «я так вижу», не увлекаясь изобретением личного социологического новояза в наукообразных попытках теоретизирования. Сильная теория способна отстроиться от обыденного языка и предлагает исследователю свою «социологическую алгебру» — теоретическую оптику, вооружившись которой ты можешь не столько козырять умными терминами, но построить теоретическую логику исследования той или иной проблемы, задачи или темы, операционализировать понятия и разработать валидный инструмент, а также комплекс организационных и технологических решений. Поэтому можно для своего исследования взять одну оптику и работать с ней, можно взять другую, но не нужно их смешивать.

Был смешной эпизод. Однажды я пришёл к Геннадию Семёновичу с некоей фантастически креативной и прорывной идеей по своей теме. Он очень внимательно меня выслушал, а потом сказал: «Это, конечно, благородная задача и она потребует многих усилий. Однако это всё равно что гайки добавить в кашу: сколько ни перемешивай, каша останется кашей, а гайки — гайками». Именно Батыгин (а затем и Инна Феликовна Девятко) показал, что методология — это не «знания о методах», а проблематика обоснованности научного вывода. В этой оптике любые действия исследователя оцениваются с точки зрения функций научного высказывания и оснований его значимости. Для меня тогда было контринтуитивным, что исследователь-практик может производить фиктивные знания, добросовестно фабриковать артефакты, основываясь на неявных допущениях, а часто — просто на основе своего обыденного мышления, на метафорах обыденного языка.

«Мир идей» как «мир вирусов»?

Да. Я помню этот образ-метафору. Все социологи стараются быть человекоцентричными, рассматривать человека, который что-то думает, делает и т. д. Но Мангейм писал, что человек обнаруживает себя в биографически унаследованной ситуации. Он думает языком и образами своей социальной группы, ему доступны знания и практики воспитания ума, которыми владеет его социальная группа. Но ведь можно продолжить, что это не люди думают своей головой, а идеи, как

вирусы, сражаются друг с другом за то, чтобы залезть в максимальное количество людских мозгов. Ведь в этом что-то есть, правда? Отсюда очень интересное направление Батыгинских исследований: как нашим мышлением управляют метафоры. Я помню работу Марии Рассохиной о метафорах в социологии: метафоре организма, текста, сети, кибернетики. В нашем обыденном языке «защиты» базовые метафоры, и, если их воспринимать некритически, они влияют на способ теоретизирования, порождают спекуляции и т. д. Скажем, когда человек успешный, мы говорим, что он «вырос», «достиг высот», а когда перед нами неудачник — легко употребляем глаголы вроде «опустился», «достиг дна». За таким выбором слов стоит метафора гравитации, и полезно понимать, как она влияет на наши представления о социальной мобильности или структуре власти и в какой мере их детерминирует. На таких примерах я понимал, насколько это сложное и кропотливое занятие — работа с социологической теорией.

Но здесь нужно сказать еще об одном важном не только для меня направлении — методологические штудии Батыгина. В первую очередь это Батыгинский семинар, на котором обсуждались не только метафоры в социологии, но и исследования социального поведения песцов на Командорских островах или же то, как лингвистика изучает языковые конструкции, обозначающие цвета. Одна из сквозных тем — методология социального познания. А во-вторых, это его собственные исследования (например, о российском сообществе социальных ученых — вместе с Эдвардом Свицерски) или же те, в которых он принимал участие (проект Дмитрия Рогозина — когнитивный анализ опросного инструментария). Тут важен был не только сам опыт, сколько множество сопутствующих разговоров — о когнитивном повороте в социальных науках, о теории речевых актов, об обоснованности вывода. Я тогда уже работал в ФОМе, и одна из ключевых идей, которая пришла через Батыгина — это критическая установка по отношению ко всем этапам порождения социологического знания. Заказчик говорит на своём языке, математики считают по-своему, а тебе в итоге нужно работать со смыслами. На каждом этапе — смысловые разрывы, и на каждом этапе может происходить фабрикация смыслов и выводов. Об этом хорошо написано у Сергея Чеснокова. И это понимание неожиданно подкреплялось с другой стороны: сотрудники ФОМа Ефим и Елена Галицкие всегда умели за статистическими операциями видеть смыслы. Они всегда умеют объяснить, как те или иные преобразования или решения влияют на результаты анализа и как должны быть учтены в интерпретации². Такой их подход очень резонировал с тем, о чем рассуждал Геннадий Семенович.

² Очень показательна в этом плане их публикация «Кластеры на факторах». Это часть дискуссии по этой теме с Александром Крыштановским [Крыштановский, 2005; Галицкая, Галицкий, 2006; Воронин, 2003].

Тут, наверное, больше нужно сказать о такой особенности его профессионального мышления как «методологическая принципиальность» и одновременно — «методологическое смирение». Сейчас попробую объяснить. Методологическое смирение — это признание принципиального несовершенства любой диагностической процедуры в социальных науках. Это понимание, что на каждом этапе исследования в него вмешиваются неотрефлексированные искажающие факторы. Ну, хорошо, ты понимаешь, что ты сам вмешиваешься в статистическую процедуру, когда определяешь границы кластеров. Ну, ок, ты понимаешь, что респондент воспринимает и работает с вопросом не так, как ты это планировал. Понятно, что значения переменной могут сместиться относительно теоретического концепта («триада Стефана Новака»). Можно об этом знать и пытаться контролировать. Но возникают и совершенно неожиданные угрозы. Например, это понимание, что работа социолога лежит в сфере литературного творчества. Мы пишем тексты и осуществляем свое влияние через слово. Значит ли это, что плохо описанные результаты исследования — негативный фактор, что это равно плохому результату? А хорошо и хайпово написанный текст означает ли, что исследование было и успешным, и качественным? И вообще я считаю, что гениальный писатель — лучший социолог, чем профессиональный социолог... «Методологическое смирение» — это умение видеть в многосоставной оптике ограничения ремесла социолога и принимать их.

А «методологическая принципиальность»?

А тут просто: принципиальное неприятие небрежности и пренебрежения этой проблематикой. Многим известна его шутливая классификация: социологи, как и собаки, бывают охотничьи, служебные и декоративные. Это не про статус и даже не про функции в производстве научного знания. Это — про отношение к задаче, к тому, как ты планируешь и проводишь свое исследование, как ты охотишься за своим результатом. И как в целом относишься к своей работе. Если ты так веришь в собственную правоту и непогрешимость, — что ты сделал для этого в своем исследовании? На чем основывается твой вывод и твоя уверенность в нем? И тут мы снова возвращаемся к принципам Мертона, к «третьему миру» Поппера, к известному афоризму Лазарсфельда³. Ты не имеешь права онтологизировать изучаемый феномен, не будучи полностью уверенным в корректности своей оптики. И особенно, если ты делаешь это по незнанию возникших ограничений. Ну, и известна история, когда на защите докторской диссертации Батыгин проанализировал десять заявленных гипотез

³ «Нас интересует не пол респондента, а как он устанавливается».

и показал, что только две из них удовлетворяют требованиям к гипотезам. И одна из гипотез была принципиально непроверяемой, а другая автором нигде не была проверена. Понятно, что такое заявление своей позицией спровоцировало скандал, но я уверен, что это не было личной атакой на автора. Тут «третий мир» Поппера.

Батыгин в вашем рассказе предстаёт замечательным теоретиком, может быть, историком социологии: работа с эмпирикой интересовала его меньше?

Теория у него никогда не существовала отдельно от практики, от социологического «поля». Я воспринимал уже как некую норму, что ведущие ученые Института социологии сами участвуют в сборе данных. Например, я видел, как Ядов ходит по цехам завода в Самаре и берёт интервью у рабочих. И в исследовании про когнитивный анализ инструментария Батыгин был вовлечен на всех рутинных этапах: сам искал респондентов на улице, зазывал их в комнату и проводил интервью по анкете, участвовал в создании кодификаторов и в кодировке транскриптов и видеозаписей. В этом не было никакой дидактики, «учительства»: есть исследовательская задача, есть процесс производства знания, и есть текущие проблемы и задачи. Поэтому нужно обсуждать их и находить корректное решение. Мне так открывалась профессия в её цельности — огромными сегментами. Не просто социологическая теория в четырёхтомнике Юрия Давыдова и его коллег, но и Рэндалл Коллинз с теорией глобальных интеллектуальных изменений [Collins, 1998]. Не просто понятийный каркас социологии, но и проблематика пересечений обыденного и научного языков. Не просто методология, но фальсификационизм Поппера как гигиенический принцип. Ну, и надо быть честным, Геннадий Семенович был не единственным в этой роли. Исследовательская культура сектора Ядова и методологическая рефлексия сектора Батыгина органично дополняли друг друга. Даром что мы соседствовали на этаже и у нас была общая семинарская комната.

Вам удалось поработать вместе с Батыгиным?

И да, и нет. Да, потому что были исследования российских социальных ученых, где получилось опросить больше 400 человек и потом было очень интересно обсуждать результаты с Геннадием Семеновичем. Конечно, была работа над другими текстами для того сборника [Социальные науки..., 2005], и со статьями для его «Социологического журнала», была серия переводов для ФОМа. Нет — потому что осталось глубокое сожаление: мало. В этом плане я завидую и завидовал Денису Подвойскому. Они с Батыгиным сделали хорошую книгу — «История социологии». А я тогда с головой погрузился в исследовательскую

программу Фонда Общественное мнение. А Геннадий Семёнович с какой-то глубокой, сдержанной иронией относился к практическому действию. Эта ирония распространялась и на ФОМ с его попытками выстроить позитивную науку на основе опросов общественного мнения. Он не отрицал значения практики, просто понимал множество её ограничений. Но при этом были вещи, имевшие для Батыгина безусловную ценность, к которым он относился категорически серьёзно, например, книги.

Его книгу «Лекции по методологии социологических исследований» я немедленно исчеркал пометками «до дыр». На тот момент я воспринимал эту книгу как важное недостающее звено в том, что я читал, хотя я знал, что эта книга ему самому не нравится. Да и к той издательской программе с яркими желто-оранжевыми обложками у него были нарекания. Но он горячо поддерживал издательскую деятельность и видел объективную необходимость переводить нужные профсообществу книги. Ну а позже Геннадий Семёнович согласился помочь ФОМу выстроить его издательскую программу. Благодаря этому были переведены Цаллер, Липпман, Шютц, Гофман, Уолтон, обе книги про задавание вопросов — Садмена, Бредберна и Шварца. К некоторым из них он написал предисловия. Наверное, наиболее важным и сложным текстом стала статья об Ирвинге Гофмане. Это была очень непростая для Батыгина работа, она съедала и у него, и у переводчиков много сил и нервов. Ну а я лишь получал удовольствие, слушая споры Батыгина, Александра Ослона и Григория Кертмана о выборе книг для перевода и публикации.

Был ещё эпизод, где совершенно отчетливо проявилось влияние Геннадия Семёновича. Не прямое. Снова про этос. В какой-то момент он попросил меня отрецензировать драфт двух рукописей: одна про общественное мнение, другая про историю эмпирической социологии. Одна книжка была скучная, но добротная, я написал рецензию. За вторую я взялся, предвкушая интересное чтение, тем более, что знал автора и всегда относился к нему, как и сейчас, с большим пиететом, уважением и признательностью. Но в итоге я оказался обескураженным: эмпирического там не оказалось вообще ничего. Там не было Лазарсфельда. Просто еще одна история теоретической социологии. Я пришёл к Батыгину за советом, что не могу подготовить положительную рецензию: текст хороший, но не соответствует задаче. Что делать в этом случае?

Он не дал прямого ответа. Но сказал, что моя задача как рецензента — относиться только к тексту, проанализировать его и аргументировать свою точку зрения. В итоге я отрецензировал книгу на 7 страниц через один интервал, доказывая, что её публиковать нельзя. Однако через некоторое время книга пришла снова, на повторную рецензию, снабжённая сопроводительным письмом к уважаемому рецензенту. Его автор предположил, что квалификация рецензента

недостаточна, чтобы судить о таких вещах, что рецензент просто не разобрался, но автор переработал текст и некоторые вещи прописал более отчётливо. Я ознакомился с новой редакцией рукописи и понял, что все изменения носят косметический характер и затронули только введение и заключение. И снова был разговор с Батыгиным — с тем же исходом. Ни сочувствия, ни подсказки. В итоге я принял решение и разродился второй рецензией: уже на 9 страниц... В общем, книгу эту так и не издали. Это была непростая для меня ситуация.

Но в результате этой истории я задумался о практике рецензирования и рецензирующего высказывания как форме существования сообщества исследователей и как инструменте, который развивает и нормы профессиональной деятельности, и исследовательские программы. И когда потом получал жесткие, четкие, но в общем-то корректные и по делу рецензии — от Анны Мытиль или Дмитрия Рогозина — я в общем-то понимал, почему и зачем это. Хотя, конечно, было обидно и сильно расстраивался...

Такая интеллектуальная честность легко может сорить с коллегами. самого Батыгина однако многие вспоминают как неформально лидера социологического сообщества, готового это сообщество собирать. Вы знали о такой ипостаси научной харизмы Геннадия Семёновича?

Её я стал ценить и видеть, мне кажется, значительно позднее. Действительно, при очень тонкой, принципиальной самоиронии, при скепсисе по отношению к фетишам полевых социологов Батыгин очень ценил профессиональное общение и старался «стягивать» разные круги: Шанинка, Институт, ФОМ. Он внимательно относился к инструментам и процедурам и создавал вокруг своего журнала сети общения, в которые включались очень разные, а порой и очень сложные люди: Сергей Патрушев, Галина Татарова, Александр Галкин, Александр Согомонов, Александр Малинкин, Сергей Чесноков, конечно же — Андрей Мягков и многие другие. Разные по типу, взглядам, характерам люди — они участвовали в общем разговоре, обсуждали свои идеи, получали советы. Участники семинара уходили отсюда «с повышающим коэффициентом». Даже если личные отношения были не очень простыми, социологи, включённые в общую сеть, высказывались друг о друге в профессиональных категориях, а не в аргументации «ad hominem». Я понял, какая это ценность, не так давно — когда заметил, как сильно этого не хватает сегодня и как трудно реализовать такое общение не разово, а систематически. Мне посчастливилось повидать очень разные команды, и видел, как быстро может возникнуть ощущение, что рот лишний раз лучше не открывать. А на семинаре у Батыгина можно было говорить любую ересь, любую глупость. Если что, тебе просто беззлобно возражат, что ты что-то недодумал, не прочитал или что упёрся тупо в свою фанта-

зию и не можешь посмотреть на тему с другого ракурса. Но в любом случае это была обратная связь с «повышающим коэффициентом». В конце каждого семинара Геннадий Семенович подводил итог и резюмировал обсуждение. Лично я всегда этого ждал: он сшивал вместе идеи выступающего и комментарии участников. В результате мы все могли видеть результат общей работы и вклад «себя-любимого» в карту смыслов. Не было ощущения, что Батыгин умнее нас. Было другое: «учись, как надо работать».

Помню, как-то штудировал тексты Вильфредо Парето, долго чего-то там не понимал и мучился со своим текстом. И говорили об этом с Геннадием Семёновичем в библиотеке Шанинки. Он меня успокоил, сказал что-то вроде: «Иван Александрович, это не страшно, я тоже Парето не понимаю. Может, он станет чуть яснее, если учесть, что по базовому образованию Парето был химиком. И эта концепция осадка и производных, фактически, метафора колбы на огне, из которой нечто выпаривается». И подумалось, конечно, что вот, Батыгин не понимает Парето, и я не понимаю, но непонимание у нас какое-то разное.

Или вторая история: я пришёл к Геннадию Семёновичу с какой-то гениальной идеей, уж и не вспомню, в чём она заключалась, но была уверенность, что здесь я точно первопроходец. Батыгин выслушал и сказал: «Иван Александрович, если вам кажется, что вы совершили открытие, это означает только одно — что вы мало читали». Я даже не подумал тогда обидеться, потому что беглого разбора идеи оказалось достаточно, чтобы понять, что она нежизнеспособна, и есть более интересные и продуманные решения. Просто надо правильные книги определить и на нужной библиотечной полке их найти. Фраза засела в голову, потому что библиографический поиск, чтение навсегда стали восприниматься мной как базовое ремесло социолога. Производство научного знания, которое мне когда-то советовал исследовать Батыгин, именно так и выглядит: мы погружены в постоянно работающую машину чтения, критики, отбора и производства смыслов. Нужно иметь к этому вкус и не думать о себе слишком многого. Ну и в связи со сказанным, последняя, третья история. И у Батыгина, и у Ядова считалось нормой признавать ошибки, легко относиться к себе в профессии. Помню, что Ядов представлял результаты какого-то своего исследования, а Владимир Магун заметил, что такие-то решения в факторном анализе могли повлечь за собой такие-то ошибки. Ядов заинтересовался, переспросил, Магун изложил все детальнее, на что Ядов резюмировал: «Ну, ясно, мы сделали хрень какую-то, надо всё переделывать!» Это было запросто, и очень рифмовалось с тем, как Батыгин относился к своей профессии, к своему делу, к «Социологическому журналу». Наверное, такие вещи и делали возможным собиране сообщества вокруг журнала и Батыгинского семинара.

Литература

1. *Воронин Г.Л.* Еще раз о «кластерах на факторах» // Социологический журнал. 2003. №3. С.21–34.
2. *Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б.* Кластеры на факторах: как избежать распространенных ошибок? // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2006. №22. С. 145–161.
4. *Девятко И.Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСО РЦГО-TEMPUS/TACIS, 1996.
5. *Крыштановский А.О.* «Кластеры на факторах» — об одном распространенном заблуждении // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2005. №21. С.172–187.
6. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1995
7. Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005.
8. *Collins R.* The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

I. Klimov

Batygin: “methodological integrity” and “methodological humility”

Ivan Klimov — senior fellow at the International Laboratory for Applied Network Analysis of the National Research University Higher School of Economics; senior fellow at the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Address: Pokrovsky Boulevard, 11, office M405. **E-mail:** Klimov_ivan@list.ru.

Abstract: Ivan Aleksandrovich Klimov, Gennady Semyonovich Batygin’s student and colleague, tells about Batygin’s experience of working with graduate students, his approaches to sociological theory and the ability to create professional networks. O.B. Solodovnikova conducted the personal interview.

Key words: Gennady Semyonovich Batygin, methodological seminar, rational reconstruction, professional community.

References

1. *Collins R.* The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
2. *Devyatko I.F.* (1996) Modeli ob»yasneniya i logika sociologicheskogo issledovaniya. M.: ISO RCGO-TEMPUS/TACIS. (In Russ.)
3. *Galickaya E.G., Galickij E.B.* (2006) Klastery na faktorah: kak izbezhat’ rasprostranennyh oshibok? // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. №22. S. 145–161. (In Russ.)
4. *Kryshtanovskij A.O.* (2005) «Klastery na faktorah» — ob odnom rasprostranennom zabluzhdenii // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. №21. S.172–187. (In Russ.)
5. *Lakatos I.* (1995) Fal’sifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel’skih programm. M.: Moskovskij filosofskij fond «Medium». (In Russ.)
6. Social’nye nauki (2005) Social’nye nauki v postsovetskoj Rossii / Pod red. G.S. Batygina, L.A. Kozlovoj, E.M. Sviderski. M.: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
7. *Voronin G.L.* (2003) Eshche raz o «klasterah na faktorah» // Sociologicheskij zhurnal. №3. S.21–34. (In Russ.)